

Юрий Григорян

Эволюция человечества

Книга 1. Системные принципы развития.
Первобытный период

Юрий Григорян

Эволюция человечества.

**Книга 1. Системные принципы
развития. Первобытный период**

«Издательские решения»

Григорян Ю. Х.

Эволюция человечества. Книга 1. Системные принципы развития.
Первобытный период / Ю. Х. Григорян — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-852690-9

Теории истории Гегеля, а также Маркса имели слабости и недостатки, обусловленные прежде всего ограниченностью знания тех времен. Необходимо развивать теорию, базируясь на достижениях современной науки. В данной книге эволюция человечества рассматривается на основании общих предпосылок и закономерностей развития, выявленных в естественных науках. Их применение к системе человечества позволило лучше понять прошлую историю, современные общественные проблемы и тенденцию последующей эволюции.

ISBN 978-5-44-852690-9

© Григорян Ю. Х.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
1. Слабость социологических теорий	8
2. Поппер К. и его « Нищета историцизма»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эволюция человечества

Книга 1. Системные принципы развития. Первобытный период

Юрий Христофорович Григорян

© Юрий Христофорович Григорян, 2017

ISBN 978-5-4485-2690-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Каждое происшествие нашего времени оказывается подверженным столь многим влияниям, что бывает сложно выделить наиболее значимое из них. Даже политологи и социологи высказывают самые разные, часто противоположные мнения о причинах одного и того же события. Это мы не раз слышали во время множества дискуссий. Так отчего же эти ученые, обучавшиеся многие годы в престижных учебных заведениях, прочитавшие массу мудрых книг, не способны дать единую оценку реальным процессам. Невольно сравниваешь их с представителями естественных наук. Физики, химики, даже биологи, обсуждая явления, происходящие на Земле, обращаются к ранее выявленным общим и частным закономерностям и много легче находят общее решение. Если же оно оказывается необъяснимым прежними знаниями, то благодаря экспериментам или теоретическим изысканиям, которые проводятся опять-таки на базе накопленного знания, формируется новое обоснованное представление о данном явлении. Конечно, эксперименты в жизни людей обычно невозможны, но отсутствие знания об общих и частных закономерностей общественных процессов делает беспочвенными любые предположения о причинах конкретного события.

В какой-то мере политологи и социологи уподобляются представителям популистского искусства, но не науки. Так, поэт может любоваться цветочком, его особенной формой и своеобразной расцветкой, вполне удовлетворяясь этим видением. Но ученый биолог, зная корневые закономерности вида, определит не только присущие всем подобным цветкам общие качества, но и оценит многие частные признаки, как проявление основных механизмов развития в данных конкретных условиях местоположения цветка. Конечно, чем более сложным является объект изучения, тем большее разнообразие его вида и форм поведения проявляется. Но изучая жизнь животных, даже высокоразвитых, биологи открыли немало закономерностей, которые помогают им объяснить их жизнь и возникающие между ними взаимоотношения.

Когда же дело касается людей и общественных событий, оказывается, что философам, социологам, политологам не известны никакие общие и частные законы эволюции человечества, отчего их оценки взаимодействий между людьми и их объединениями столь поверхностны. Историки предпочитают лишь описывать прошлые и настоящие события, подобно тому, как поэт описывает цветочки. Какова была жизнь правителей, сколько жен и любовниц было у королей – возможно очень интересно для домохозяек, но эта, так называемая нарративная история, совершенно бесполезна для понимания причин прежних и происходящих в наше время кризисов, войн и прочих важных событий.

Несколько веков тому назад были выдвинуты теории истории, представлявшие ее закономерный процесс. В частности, марксизм до сегодняшнего дня используется рядом ученых как самое правильное учение. Но следует иметь в виду, что любая достаточно значимая теория непременно опирается на достижения науки своего времени. Поэтому в ней проявятся и слабости и недостатки знаний прежних лет. Но вот теории, основанной на достижениях наук нашего времени, тем более распространенной теории, к сожалению, не появилось. В данной книге я постараюсь представить именно такой, научный, поход к эволюции человечества и показать, что история – есть процесс формирования некой единой системы человечества. Поэтому можно утверждать, что период нашей жизни является промежуточным этапом этого процесса, при котором проявляются и прогрессивные и регрессивные влияния возникших в истории образований. Надеюсь, что знание тенденции развития, как и реакционных действий укоренившихся милитаристских систем, поможет политикам принимать верные решения.

Человек, человечество – высшее создание природы. История человечества представляет собой процесс развития, в котором имеют место взаимосвязанные качественные преобразования всех уровней природных явлений, начиная от физических, химических вплоть до пси-

хических, логических. На высшем уровне изменения затрагивают общественные отношения. Чтобы дать полную картину произошедшего и происходящего я, вполне сознавая ограниченность своих знаний, постарался коснуться довольно широкой области явлений, которые посчитал важными для понимания эволюции. При этом, конечно же, я изначально поставил себя в положение удобной мишени для критики со стороны специалистов каждой отдельно взятой дисциплины. Но, поскольку все явления рассматриваю со стороны главных моментов развития, то уверен, что вызову интерес к оценке накопленных в науке знаний именно с этой стороны, стороны как осуществляемых этапов новообразований, так и постоянного воспроизводства переходов, повторяющих историю формирования данных сущностей. В этом случае все замечания к моей работе внесут свой вклад в более правильное понимание развития, эволюции человечества и в создание Научной Истории, к чему я стремлюсь, излагая свою концепцию.

Было бы наивно рассчитывать на какое-то совершенное, законченное представление многообразной темы эволюции. Книга в лучшем случае может рассматриваться как «бета-версия», которой предстоит пройти долгий путь исправления, улучшения, расширения приведенного материала. Тем не менее, надеюсь, что изложенные идеи помогут разрешить многие проблемы истории, социологии и философии.

Предлагаемая книга состоит из двух частей. В первой части рассматривается общая концепция эволюции с примерами пройденного в древности пути человечества. Во второй части исследуется сложная проблема истоков познания в неживой природе, роль знания в развитии общественных отношений.

В главе «Принципы развития. Предмет философии. Диалектика» рассматривается соотношение принципов развития как *воспроизводства*, «саморазвития», характерного для теории Гегеля и для официальной советской философии, и развития как качественного преобразования, *новообразования*, изучаемого современной наукой. Соответственно корректируются законы диалектики.

Определены три основные формы управления: регуляция, руководство, власть. Прослежен путь преобразования государства, как организации с властным управлением, и смещение форм управления обществом к руководству и регуляции вследствие происходящих в мире интеграционных процессов.

Инициировал написание данной книги и поддерживал меня финансово на время работы, сын моего друга, Мкртчян Григорий Рудольфович, которому я глубоко признателен.

Введение

1. Слабость социологических теорий

На сегодняшний день в исторических и социологических исследованиях сложилась далеко не самая приятная ситуация. Многие ученые из-за отсутствия базовых теоретических положений чувствуют неудовлетворенность какими бы то ни было обобщениями или объяснениями изучаемых событий. Все они лежат на поверхности, и приходится отграничиваться от множества вполне резонных «почему», так как не на что опереться в своих выводах. Казавшиеся когда-то надежными основополагающие теории Гегеля, Маркса и некоторых иных теоретиков были отвергнуты, но ничего взамен не предложено, и этот вакуум в фундаменте делает зыбким любое утверждение. Применение статистического аппарата несколько скрадывает упрощенный взгляд на общественные явления и даже придает выводам наукообразный характер. Но он хорош, пока рассматривается соотношение однотипных событий и пока оценивается обобщение фактов, относимых к данному времени и/или к данному пространству (региону). То есть когда рассматривается стационарная система с относительно тождественными элементами. Но стоит отойти от плоскостного разбора и попытаться постичь динамику изменений, в особенности в историческом плане, как статистика становится бессильной подтверждать выдвигаемые предположения.

ВАРИАНТЫ ТЕОРИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

В этом плане интересно проанализировать получившую достаточно широкое распространение идею Валлерстайна И. (1) и ряда социологов (Франк А. Г., Амин С., Арриджи Дж.) (2,3,4) о мировой системе. Вместо замкнутости на общество и внутриобщественные явления, что было присуще почти всем предыдущим учениям, в том числе Платона, Гегеля, Маркса, акцент исследования ставился на взаимосвязях и взаимовлияниях в более широкой системе, включающей группы стран, а то и все народы мира. За период, прошедший со времени жизни тех титанов мысли, человечество настолько продвинулось в своем эволюционном движении, что нам, свидетелям сегодняшних взаимоотношений в мире, намного легче стало понимать значимость явлений глобального масштаба.

Теория мировой системы (World System или World-Systems, когда рассматриваются несколько систем-миров), отражая современный мир с опутавшей его сетью связей, нацелила на представление о глобальном человечестве как системе. Исходя из тезиса, что преобразования внутри обществ более всего обусловлены воздействием со стороны иных обществ, концепция в первую очередь оценивает соотношения между странами и тот эффект, который оказывают на них системные процессы. Этот, в целом многообещающий подход, конечно, заслуживает подробного освещения, но моя цель пока что иная. Я хочу показать, что даже такая прогрессивная теория, взявшись за изучение общественных явлений, так сказать «сверху», от обобщения наличной картины мира, становится легко уязвимой. Самым слабым местом для нее опять-таки является отсутствие базовых принципов.

Есть несколько очень каверзных вопросов, которые стали камнем преткновения для авторов этой теории. Самый общий из них: как определить мировую систему или «мир-системы», впрочем, это относится и к любой эволюционирующей системе, чтобы охватить ее в динамике, в развитии?

Валлерстайн, в какой-то мере приверженный учению Маркса, на первый план выдвинул экономический критерий – разделение труда и возникшие вследствие этого взаимосвязи и взаимовлияния между странами. Если учесть, что сама теория Маркса достаточно хороша только

для начальной стадии капитализма, но дает сбой при оценке его развитой формы, а также не лучшим образом соответствует предшествующим эпохам, то подобная проблема возникла и перед Валлерстайном. Для него мировая система проявляется как таковая, начиная с XVI века, когда появились первые признаки капитализма и соответствующие взаимоотношения между странами Европы.

Интересно, что, вполне сознавая схематичность любой теории, классики марксизма при обсуждении общественных явлений не ограничивали себя исходным экономическим принципом. Отсюда следовали высказывания самого Маркса: «Я не марксист», или Энгельса: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует» (Собрание писем, с. 424). Так что при анализе конкретных событий они применяли и иные критерии.

Валлерстайн, хотя и разнообразил разделение труда различными его формами, что позволило представить различные системы-миры, но в целом оказался скованным экономическим критерием. Критика более всего высказывала замечание именно в том, что Валлерстайн сконцентрировался на экономических причинах и пренебрег иными, политическими, военными и культурными факторами (5, с. 533).

Ограниченность теории была обусловлена и особой ролью капиталистического способа производства, который лег в основу систем. Исходя из этого, поддерживался европоцентризм, а мировые системы рассматривались лишь в течение последних 500 лет.

Франк, стремясь найти основание перехода систем от феодальной к капиталистической и далее, обратился к ранним периодам истории и выдвинул более общее понятие «мировой системы» (без дефиса как у Валлерстайна – «мир-система»), которая имела место уже 5000 лет тому назад (6, 7). Для этого нужно было придать большую, чем для капиталистических порядков, общность факторам взаимосвязи – торговля, но и обмен; рынок в общей форме, включая торговлю и обмен предметами, отнюдь не жизненно необходимыми, например, предметами роскоши; производство, не товарное, а просто излишков различной потребительской стоимости и т. п. Для объяснения линии преобразований мировой системы Франку было важно выдвинуть понятие цикличной динамики системы, в особенности долговременной, при которой происходит взлет и падения в самой мировой системе из-за экономических кризисов, возникающих по мере накопления капитала.

Чейз-Дан Х. и Холл Т. для сравнительного изучения самых различных типов систем, в том числе и докапиталистических, также были обязаны исходить из более общего, а значит менее определенного признака – наличие каких бы то ни было взаимных связей у элементов (обществ) и фактор системного влияния на элемент. Они определяли «мир-системы» как группы взаимодействующих обществ, когда система воздействует на локальное общество, на условие социального воспроизводства и социальной перемены. Под такое понятие попадали все исторически возникающие общности, начиная с очень маленьких сетей оседлых групп, собирателей продуктов (как мини-системы у Валлерстайна), переходя затем к большим региональным системам, включающие в себя племена, ранние государства, аграрные империи, и завершая современной глобальной политической экономикой (8). Естественно, когда хотят сравнивать столь разные системы, становится размытым само понятие: мир-система. Неявными становятся и территориальные границы таких систем, и периоды их стационарного, но и динамичного состояния. Все эти и иные параметры оказываются всецело зависимыми от позиции автора.

НАЧАЛО МИРОВОЙ СИСТЕМЫ ИЛИ «МИР-СИСТЕМ»

С какого периода истории можно говорить об этих системах – они существуют 500 лет, 2 —3 тысячи или 5 тысяч лет? Каждый окажется прав, утверждая свои признаки экономических связей, которые он ставит в основу системы. Тем более, если они многообразны и не строго

определены. Когда Франк распространил мировую систему в глубь веков, он имел в виду разнообразные параметры, относимые Валлерстайном к капитализму: «... то, что Иммануил писал о Европе, три, шесть, или двенадцать характеристик капитализма в Европе применимы к миру везде и также ранее. Следовательно, не верно, что мир-система родилась и расплодилось в Европе...» (9, с.221). Но почему взять за основу анализа эти 3—6—12 характеристик, а не 20 этих и совершенно иных признаков? Как доказать, которые из них существенные, а которые нет? Для доказательства понадобятся более общие посылки, вплоть до единого принципа развития. С подобной проблемой легко справились бы и Гегель, и Маркс, но отнюдь не те, кто стремится понять мир, обобщая наличные факты.

Субъективизм в выборе критериев оценки систем значителен; каждый может предложить свой вариант распределения мировых явлений в истории, отдавая предпочтение тем или иным общим, а то и частным, сторонам жизни. Наиболее признанные три сферы общественных взаимоотношений, которые выделяет и Валлерстайн, это – политическая, экономическая, культурная. Системы функционируют «в трех обособленных аренах: политической, экономической, и социо-культурной. Или формулируя иначе, государства, рынки и гражданские общества упоминаются как автономные, чтобы использовать различную логику» (10, с.4). Но если у Маркса они выстраивались в пирамиду с основанием экономики, то при плоскостном взгляде, когда рассматривается поверхность текущей действительности, они предстают разложенными в ряд, хотя и с некоторым перехлестом.

Отсюда следовало бы сделать вывод, что раз уж они фигурируют как самостоятельные сферы, то каждая из них имеет равное право на определение системы. Например, если в основу взять противоборство общин или племен и очень значительный фактор войн, влияющий на их состояние, то придется сдвинуть планку зарождения мировой системы еще дальше в глубь тысячелетий и противопоставить современной «мир-экономике» существующую издревле «мир-политику». Можно выдвинуть на первый план и культуру, положим, религию, тем более что единое верование охватывало многие народы и, несомненно, влияло на их обустройство. В этом варианте мировую систему придется приурочить к возникновению индуизма или язычества, христианства, ислама и пр. – кому, что больше по душе. А почему бы не сделать упор на привлечение научных знаний, достижений в строительстве, архитектуре, или распространение продовольственных культур и методов их выращивания от одних регионов к другим? Ведь можно отметить и очень многие, хотя и не рыночные, материальные и духовные явления, с давних времен определявшие взаимосвязи народов и порой значительно влиявшие на их существование. Можно требовать равных прав для всех этих «может», пока нет тех базовых положений, которые помогли бы выстроить иерархическое древо различных факторов жизни человечества с различной степенью их значимости.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ?

Обратимся вновь к исходным положениям теории. Валлерстайн движущей силой в капиталистической системе считал бесконечное накопление капитала. Но возникает вопрос – что порождает или вынуждает это стремление? Если в том повинна мировая система, то в чем именно сказывается соответствующее давление ее структуры? Одной из причин он полагал противоречие между политикой и экономикой? Если следовать марксизму, то политика обусловлена экономикой, а оттого, напротив, необходимо накопление поставить в основание такого противоречия. Можно обратиться к противоречию между спросом и предложением? Известны длительные периоды экономики, когда спрос опережает предложение, однако стремление к накоплению не иссякает. Наконец, Валлерстайн указывает на еще одно противоречие – между трудом и капиталом. Его возникновение правдоподобнее отнести именно к неумной жажде обогащения, но не наоборот. Все отмеченные Валлерстайном противоречия, которые

можно обвинить в инициации стремления к накоплению, сами могут быть объяснены как ее следствия, а не причины.

Франк и Гиллс находят, что накопление капитала проявлялось и в древности. «На наш взгляд, Амин и Валлерстайн, следуя Полани и Финли, недооценивают важность накопления капитала через торговлю и рынок в античной мировой системе» (7, с.298).

Но вполне естественный вопрос: что за необходимость вызвала такую страсть, – остается невыясненным. Проявлялась ли она в какой-то форме ранее и во что она воплотится позже? Считать ее прирожденным человеческим пороком едва ли правомерно: этнографы у древних людей подобных наклонностей не выявили. Напротив, народы на уровне присваивающего хозяйства, то есть охотники и собиратели, даже при очень благоприятных обстоятельствах, когда 2—3 часа работы в день обеспечивали дневную норму питания, не делали запасов и не стремились к обладанию излишков. Лишь позже при производящем хозяйстве начинают делать накопления, создавать запасы жизненно необходимых продуктов и предметов. И только, когда начали формироваться племена, где выделился слой старейшин и вождей, и возникло имущественное неравенство, накопление стало собственным интересом зажиточной части племени. В большей степени оно затрагивало предметы роскоши, стремление к которым действительно могло быть и неограниченным.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА МЕЖДУ СТРАНАМИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ?

Системные отношения определяются разделением труда между развитыми и слаборазвитыми странами – таково еще одно утверждение, лежащее в обосновании этих теорий. Развитые страны – это ядро, центр, а менее развитые, а то и слаборазвитые – полупериферия, периферия. При этом, по-видимому, отдавая дань самоутверждаемому тщеславию европейцев, ядра представляют собой, конечно же, Европа и США, а прочим странам отводят место подальше, в стороне периферии. Франк и Гиллс вполне резонно отрицают столь значительную роль Европы в развитии человечества, более того, имея в виду древнюю эпоху, утверждают об обратном соотношении – Азии, как центра, а Европы, как периферии тех времен. История свидетельствует о взлете и падении многих цивилизаций и культур разных стран и регионов и, если даже принять сиюминутное (в историческом измерении) преимущество Европы в развитии, то можно экстраполируя предполагать завтрашний закат Европы и, напротив, восхождение стран Азии (что очевидно уже сегодня), позже Латинской Америки, Африки. Но меня в данном вопросе интересует другое: на основании чего можно классифицировать соотношение стран, если не существует закономерности истории и отсутствует понятие прогресса? Высказывается немало признаков, по которым можно было бы судить о центрах и перифериях. Интуитивно они кажутся вполне убедительными. Но, анализируя каждый из них, находишь и немало отрицающих их значимость аргументов.

Так «капитализация» (отношение постоянного капитала к переменному), которая выделяется у Маркса как параметр, имеющий тенденцию к росту, сама по себе не определяет вектор развития стран или регионов. Например. Для начального периода капитализма творчество не занимало столь большого места в жизни общества, чтобы ввести ее в теорию капитала. Если квалифицированный труд и привлек внимание Маркса, то творчество не удосужилось этого. Иначе «Капитал» пришлось бы переделать. Цену творчества понятием стоимости не определить, и невозможно указать на какую-либо постоянную тенденцию отношения капитал/творческий труд (оно очень низко, например, при создании компьютерных программ).

Если взять в основу разделения стран или регионов ценность товаров, движущихся в обоюдном направлении, а именно: потоки сырого материала из периферии в центр, но производственные средства или готовую продукцию в обратном направлении, – то придется одни, даже развитые, страны представить как полупериферию, а другие центрами, в зависимости от типа

товара. Почти нормой стали сборки готовой продукции в одних странах, а производство их компонентов (или полуфабрикатов) во множестве иных. Почти из всех стран идут в различных направлениях сырьевые материалы, как и продукты сельского хозяйства (кто, чем богат). Также имеется сеть движений технологий производства. Порою в регионах, которые принято считать периферией, бывают разработаны очень специфичные методы получения типичной для этих мест продукции, в частности, изделий местного творчества.

Всем нам совершенно очевидна разница в уровне развития европейских стран и, положим, африканских или многих азиатских, тем более лет 50 – 100 тому назад. Но именно в том заключается проблема, как обоснованно представить этот перепад? Прежде всего бросается в глаза различие в техническом оснащении производств, в организации труда, его эффективности, разработке и изготовлении сложных устройств и т. п. Соответственно есть превосходство и в масштабе использования современных изделий для быта, транспорта, коммуникаций и пр. Поэтому в числе обычно используемой оценки центра и периферии более всего присутствуют качества технического прогресса, тем более что его вполне можно определить по объективным параметрам. Положим, по производительности труда, по компонентной и/или информационной сложности изделия, его эффективности и т. п. Но кто станет утверждать, что технический прогресс и прогресс человечества – это однозначно взаимосвязанные понятия?

В свое время Советский Союз имел огромные достижения в военной технике, он первым запустил ракету в космос, и в этих сферах имел значительное преимущество перед Европой. Но стал бы кто-нибудь называть Европу полупериферией, а Союз центром, несмотря на то, что техническими возможностями спутников пользовалась и Европа; она готова была, и порой поставляла, некоторые материалы и комплектующие (своего рода полуфабрикаты по отношению к ракетам и спутникам в целом)? Напротив, Европа продолжала считать себя более передовой, чем Союз, выдвигая на первый план некоторые ценности общественных отношений. Можно было бы посчитать, что попросту им больше по душе иные качества жизни, и их они выставляют как факторы прогресса.

Но с тем же основанием другие народы могут превозносить привычные для них ценности жизни. Есть ли параметр для их классификации? Так же, как когда-то Руссо, сегодня «зеленые» с подозрением относятся к значительным техническим нововведениям, резонно опасаясь вредных непредвиденных последствий. Не только успехи вооружений можно считать регрессом для развития человечества, но и многие научные и технические достижения могут оказаться злом для будущего людей. Вывод, который напрашивается, – это то, что все подобные рассуждения, выдвигающие те или иные ценности как важное качество жизни, при внимательном рассмотрении оказываются разноплановыми, зависящими от позиции авторов, и потому часто противоречивыми.

Обращусь еще к одному признаку соотношения центр-периферия, в качестве которого выдвигается суть неравного обмена из-за дешевизны сырья и труда в периферийном регионе.

Как могло возникнуть подобное, в чем-то грабительское, неравенство? Если низкий уровень местных издержек производства обусловлен специфическими природными благами, то подобное является довольно распространенным явлением между всеми, в том числе и развитыми странами и регионами. О неравенстве в этом случае не говорят. Если речь идет о разнице между номинальными ценами труда, которая отличается даже в европейских странах, но согласованной с реальной оплатой, соответствующей местным ценам, налогам и пр., то и этот фактор аналогичен фактору издержек производства. Если стоимость потребительской корзины низка, то номинально ниже будет и зарплата. Такие области, как правило, привлекают предпринимателей и быстро приводят в соответствие цену труда и товара на рынках разных регионов. Суть неравенства связана вовсе не с экономическими отношениями – они легко согласовываются во всем мире.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПОЛИТИКОЙ И ЭКОНОМИКОЙ В ТЕОРИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Известная эксплуатация одних стран другими была обязана прежде всего государственной политике по подчинению стран и регионов своему влиянию – тем самым присваиванию выгодного рынка сырья и труда. Колониальный или полуколониальный сверхприбыльный период был показателем влияния экономики на политику, когда политика способствовала монопольным производителям разворачивать свой бизнес и получать огромные прибыли в иных регионах. В этом плане есть резон признать правоту Ленина в определении империализма.

Однако можно привести немало случаев и обратного отношения, когда политика ограничивала экономические возможности роста или даже ее действия имели разрушительный эффект для хозяйства страны. Вообще говоря, проблема взаимоотношения политики и экономики является серьезным тестом для любой теории, тем более для теории мир-систем, с дефисом и без. Ее фундаментальная слабость в том, что теория вынужденно рассматривает как равноправные многие существенные стороны жизни общества. Тем самым она значительно уступает концепциям, в которых возводится иерархия отношений; а только такая может правильно отражать столь же иерархический исторический процесс. Так, у Маркса политика является следствием экономических отношений и потому теоретически строго зависит от нее, впрочем, и социокультура имеет вторичный характер. Отсюда легко получить объяснение и империализму, и олигархии, и колониализму. Они становятся попросту итогом политического действия по осуществлению капиталистической цели – неумной сверхприбыли.

Правда, у обобщающего метода есть и свое преимущество. От него не ускользают многие, имеющие достаточную частоту проявления, события, которые, однако, могут не стыковаться с целостной концепцией. Любая теория идеальна, схематична. Для нее нет необходимости учитывать всевозможные частные события действительности. Но при этом может быть упущены и такие стороны, которые оказывают существенное влияние на ход событий и которые позже становятся фактами, опровергающими теории. Это тот самый фактор, который удобен и нужен для фальсификации.

Валлерстайн отмечает, например, широкий спектр взаимоотношений между политикой и экономикой. Например, что государство может быть защитой для огромных накоплений, но и основным хищником; что оно сдерживает сопротивление организованных рабочих, но и легализует их борьбу (права профсоюзов); что в межгосударственной системе государство бьется за создание преимуществ для своих крупных производителей (монополий), но и анти-монопольными законами старается ограничить их возможности получения сверхприбылей. Государство не должно вмешиваться в рыночную деятельность (*laissez-faire*), но так или иначе это делает через налоговое разнообразие, через протекционизм, акцизы и иные, имеющиеся у него механизмы. Если же иметь в виду то, что творило государство в течение 500 лет, то вариаций будет значительно больше. Не хватает только концепции, которая помогла бы понять, почему возникают те и/или другие действия.

Для теорий с единым стержнем теоретического построения конкретное многообразие отношений потребует поиск увязок частных случаев с общей концепцией. Политические акции в данном случае пришлось бы объяснять заботой об экономике в целом, что порой противоречит интересам отдельных единиц или групп капиталистов, а то и наоборот. Если же факты никак не смогут быть сведены ни к тому, ни к другому, то должна быть признана ошибочность или недостаточность базовых положений, что вполне относимо к марксизму.

Необходимы критерии, исходящие из общих законов природы.

Что же касается теорий мировой системы или мир-систем, мир-экономик, то к ним трудно предъявить какие-либо претензии, или аргументировано доказать несостоятельность фундаментальных посылок, поскольку таковых попросту нет, и фактически не существует

теории. Есть набор утверждений, который с легкостью может быть расширен или, напротив, сужен, в зависимости от степени усреднения известных фактов.

Вообще-то, я отнюдь не стремлюсь раскритиковать эту концепцию. Напротив, нахожу ее из всех распространенных в наше время подходов к истории наиболее адекватной сегодняшним реалиям, а потому и перспективной. В мое намерение входит лишь показать, что обобщения, при отсутствии базовых принципов истории, как бы разумно и обоснованно они не были сделаны, окажутся в плену предпочтений авторов, будут зависеть от тех признаков, которые каждый исследователь посчитает более ценными, чем иные. В конечном счете, этот подход приведет к перечислению разнообразных утверждений, столь же необоснованных, сколь и противоположные им суждения. Но чтобы самим критериям придать определенную значимость, понадобится выдвинуть более общие основания развития, представить понятие прогресса и, следовательно, признать принцип закономерности истории.

Надо сказать, что мысль о новой теории бродит в умах многих ученых, в том числе и приверженцев модели мировой системы или мир-систем. Как вариант подхода – «отбросить старые модели и начать создавать новую модель исторического развития мира» (9, с.224). «Необходима новая теория – What is needed is new theory» (11, с. 200).

Уже в течение нескольких веков историки и социологи с завистью и надеждой поглядывают на естественные науки, стараясь с их помощью получить устойчивое знание об общественных явлениях. Их поддерживает мысль о единой природе всего сущего, откуда следует, что эволюция человека, общества происходит по общим законам природы, как и развитие иных естественных образований. Сен-Симон, Конт, Спенсер и их последователи пытались уподобить общество живым объектам, и перенести методы и выводы естественных наук на общественные явления. Даже Спенсер, развивавший свою теорию, исходя из совокупности индивидов, в конце концов, подчинял их единому целому, «интеграции однородных». «Общество есть организм, потому что организм есть общество». Эта идея выводила социологию (и историю) на научный уровень, более того, будучи обращенной к высшему творению природы – человеку, на столь же высший пьедестал науки. В иерархии «системы наук» Конт возвысил социологию над всеми остальными дисциплинами. В качестве метода содержательного изучения общества начала доминировать аналогия, прежде всего аналогия с биологическим объектом, с морфологической и функциональной организацией живого организма. Хорошим подспорьем стал статистический анализ, позволявший получить доказательную базу для обобщения получаемых данных. Классическая социология тем самым сделала значительно более убедительной свою науку, завоевав для нее ранг самостоятельной дисциплины.

Наиболее серьезные проблемы, возникшие на пути этого подхода, называемого позже «социологическим реализмом», выявились при анализе соотношения общества и индивида, а также направленности закономерного развития, иначе говоря, прогресса.

ЧТО ДОМИНИРУЕТ – ОБЩЕСТВО ИЛИ ИНДИВИД? ВОЗМОЖЕН ЛИ РЕДУКЦИОНИЗМ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ?

Утверждаемый приоритет общества над индивидом, что естественным образом вытекало из аналогии с организмом, не лучшим образом подходил к реальному положению в современном обществе. Когда рассматривалась жизнь общин, то можно было утверждать о нераздельной причастности члена общины к ее бытию как целостного образования. В том была правота структурализма Леви-Стросса. Образ жизни, ценности, цели, действия первобытного человека всецело обуславливались образом жизни, укладом, традициями, ценностями и целями общины, рода.

Нужно четко различать внутреннюю взаимосвязь элементов, *структуру* естественной интеграции и искусственную *организацию* объединения типа государства, определяемую правлением, его указами и утверждаемыми правами. В первом случае возникает природный закон

структуры, во втором – законы выдвигают люди, орган управления. Общество более поздней эпохи не являлось целостной системой. Поведению их индивидов было присуще много больше степеней свободы, отчего направленность их действий часто расходилась с вектором общественного движения. Отсюда следует и правомерность приверженцев постструктурализма, которые поняли, что структуры уже нет, но они не нашли ничего лучшего, как не обращая внимание на базовые процессы, всецело погрузиться в ментальную сферу. Социологи (но и литераторы) никак не могли найти соотношение между обществом и индивидом. Как оценить человека: он личность, индивид, но при том очевидно подвержен социальным влияниям.

Дилемма: либо общество есть согласованное объединение индивидов, и тогда индивид есть основная единица социологии, либо общество всецело доминирует над индивидом, и тогда оно является предметом изучения, определяющим подчиненные действия своих элементов, – остается неразрешенной до сих пор. Вся история социологии выглядит как маятник, склоняющийся то в одну, то затем в другую сторону.

Для естественных наук обычным методом исследования является редукция – изучение функционирования компонентов, элементов для познания целого. Метод, который исходит из стремления постичь интегративную функцию средствами дисциплин низшего уровня. Этому способствует тот факт, что любой объект имеет иерархическое строение, в нем взаимосвязь элементов низшего порядка образует более высокий. Так, например, химики применяют физические методы для постижения реакций химических веществ, поскольку молекулы состоят из атомов; биологи исследуют организмические изменения под влиянием химических препаратов, поскольку многие биологические процессы обусловлены молекулярными, макромолекулярными взаимодействиями и т. п. Хотя известно, что качество целого не сводимо к совокупности свойств его элементов, тем не менее, метод широко используется и позволяет глубже постичь изучаемый объект.

Плодотворность редукционизма я склонен относить к тому обстоятельству, что внутри единого объекта состояние каждого элемента обусловлено воздействиями прочих элементов. В интегративной взаимосвязи он несет на себе влияние целого. Именно поэтому обнаружение его состояния, особенного состояния, в определенной мере дает сведения о свойствах целого. Надо полагать, именно этот фактор обеспечивает ценность редукции в естественнонаучных исследованиях.

Но вот, казалось бы, столь апробированный научный метод при его применении к обществу вызывает множество вполне обоснованных нареканий. «Биологическая социология» никак не могла подчинить индивид обществу, рассматриваемому как организм, а возникшая ей в противовес, так сказать, «психологическая социология», заиклившись на психике человека, не смогла увязать ее с общественными явлениями. Все другие обобщенные формы типа «коллективной психологии», «общественной психологии» и т. п. повисали между небом и землей, не привязываясь ни к индивидуальной психологии, ни к целостному обществу. Получалось, что общественные процессы нередуцируемы не только к биологии, но и к психологии.

Этот факт вынуждает всерьез задуматься над сущностью естественных и социальных явлений. Явную нестыковку методов исследования объясняют, как правило, такими предположениями.

Первое. Человек не относится к обычным природным объектам. Он обладает разумом, и это качество даровано ему некой высшей ипостасью. Поэтому постижение его мира, как и человечества в целом, недоступно для низменной науки. Такое теологическое мировоззрение я не считаю нужным даже обсуждать. Кто сводит познание к верованию, пусть отдается религии и не занимается наукой.

Несколько разумнее выглядит иное объяснение. Возникшее на высшей стадии развития качество мышления является специфическим для человека и потому несводимо к явлениям

природы низшего уровня. С каждой естественной интеграцией возникает новое свойство, которым не обладают ее элементы. Порой его называют «системным качеством».

Разрыв между «системным качеством» и свойствами элементов действительно имеется, но поскольку интегративное качество возникает благодаря взаимосвязям элементов, то его исходные, так сказать, неразвитые формы необходимо проявляются у объектов низшего уровня развития. Специфическое качество, как бы оно не казалось необычным, имеет свои предпосылки в предшествующих формах материи, и задача науки в том и состоит, чтобы выявить их, а не отделяться от проблем, провозгласив демиургом саму интеграцию, а не бога. То же самое следует относить и к мышлению. У высокоразвитых животных проявляются и ощущения, и восприятия, и представления, даже некоторые примитивные логические операции. Проблема лишь в том, чтобы понять, как зарождались они, и как затем формировалось наше мышление.

Второе – именно то, что я считаю наиболее убедительным и что постараюсь представить детальнее в последующем изложении. Общество не является целостным объектом, как организм, или как человек со своим морфологическим и функциональным, включая и психику, и мышление, единством. Это попросту разрозненное образование, в котором локальные, в разной степени внутренне и внешне взаимосвязанные и/или обособленные объединения, группы людей, как и индивиды, организованы искусственным органом управления в нечто, что можно назвать обществом, страной, государством и т. п.

В меру самостоятельности единиц общества, наиболее успешными для него будут статистические приемы изучения, с обобщениями однородных фактов, относящихся к данному неизменному пространству и отрезку времени с неизменным стационарным состоянием изучаемых явлений. Но методы анализа целого через исследование элементов, что типично для естественных наук, для общества (не первобытных общин) неприемлемы. Если они и могут быть полезны в некоторых случаях, то все же с оговорками, но и при всем том со значительной долей сомнения.

МЕТОДОМ ПОЗНАНИЯ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПОКА ЧТО ОСТАЕТСЯ ОБОБЩЕНИЕ

Вторая волна социологической науки, последовавшая следом за дуализмом Дюркгейма Э., как бы отрекаясь от приоритета общества, все более начала склоняться к «социологическому номинализму». Он чаще всего выражался в главенстве самодовлеющего индивида либо в, так сказать, «промежуточном номинализме», ставившем в основание концепции те или иные объединения индивидов: первобытный род, семья, группа, институт и т. д. Проблема соотношения общества и элемента при этом раздваивалась на проблему взаимоотношений между индивидом и несколько более укрупненным элементом, компонентом, и между компонентом и обществом. Второе соотношение, взаимосвязь компонента с обществом, в принципе оставалась все той же нерешенной изначальной проблемой. Более того, прибавилась новая задача: как обосновать выбор базового компонента? Он опять-таки выглядел зависимым от пристрастия автора. Социологи, чтобы не скатиться в релятивизм, старались придумать какую-то единую базу или придать качество «универсальности» избранному компоненту. Даже Дюркгейм, размежевавший индивидуальное и коллективное на две разные сферы, вынужден был все же представить общество в качестве высшей ценности. Другим ученым, выдвигавшим приоритеты локальных образований, также приходилось опираться на те или иные «идеальные типы», «жизненные миры» и пр., придавая им надсубъективную значимость, причем, у одних чуть ли не как божественный абсолют (Дильтей В.), у других как идея, присущая данному региону в данный период времени (Вебер М.). Чтобы как-то согласоваться с многообразной реальностью, приходилось умножать количество промежуточных компонентов как самостоятельных идеалов.

Чувствуя, какой ненадежной становится вся конструкция теории, где отсутствует единая закономерность, следственно – причинная взаимосвязь, социологи постепенно от стремления классиков создать «научную социологию» стали скатываться к ненаучной, отстраненной от обычных природных явлений, уникальной социологии.

Соответственно, методом ее постижения должно было быть не рассудочное, понятийное знание, как в естественных науках, а интуиция, непосредственное знание, «понимание» (Дильтей, Вебер). Хотя основанием для утверждения, что интуиция является единственным методом познания, могла быть лишь та же самая интуиция, замкнутый круг был хорош тем, что ограждал автора от любой попытки критического анализа; но сам по себе ничего большего, чем субъективная оценка, был неспособен дать.

Еще большие разочарования испытывает история. Если для социологов все же имелось огромное поле изучения взаимоотношений внутри наличной действительности с разработанными и все более совершенствуемыми методами статистики, то историкам без динамики жизни по существу нечего делать. Ограничиваться пересказыванием писаний летописцев или уподобляться им при описании того, что есть или недавно происходило, едва ли кого удовлетворит. К тому же совсем несложно было показать, что фактический материал никак не может считаться абсолютно достоверным и что есть зависимость отбора фактов, как и угла освещения событий, от точки зрения автора. Как и то, что сама точка зрения обусловлена множеством явных и неявных факторов, частично оценить которые можно, опираясь только на те знания, интересы и ценности, которые сформировали образ мышления данного историка в данном социуме, т.е. наткнуться вновь на предмет, об который социологи обломали зубы.

Историки шли рука об руку с социологами все то время, пока доминировали теории, опирающиеся на идеи закономерного процесса развития человечества. Из нее следовало, что состояние данного общества является наличным результатом этого процесса, следовательно, несет в себе и отживающие стороны прошлого, и нарождающиеся признаки будущих преобразований. Резонно считалось, что изучать сегодняшние общественные отношения просто бессмысленно без учета всей истории их становления. Когда же эти воззрения подверглись критике, и возникло мнение о принципиальной ошибочности самой идеи закономерности развития, социологи с легкостью отмежевались от истории и нашли себе удачное прибежище в области идеальных построений и каких-то обобщений сиюминутной жизни людей. Комбинации отношений, наблюдаемых в реальности, возведенные в ранг идеалов, к тому же подкрепляемые статистическими критериями, стали главной забавой социологов. Историкам же не оказалось места в этой игре.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ПОДХОД К СОЦИОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Сегодня уже можно говорить о возникновении третьей волны социологической науки. Аналогично триадам Гегеля после первой волны братания с наукой (тезиса), пошло ее отрицание (антитезис) и новый прилив научности поднимает гуманитарные науки – отрицание отрицания (синтез). Но, судя по всему, на сей раз, не столько общественники привлекают науку к своим исследованиям, сколько представители естественных наук стремятся дотянуть полученные ими результаты до высших сфер, вплоть до системы человечества.

Исследуя процессы, происходящие с лазером, когда после определенного уровня накачки, у атомов скачкообразно возникает когерентное излучение, Хакен Г. представил этот переход как акт возникновения упорядоченности после хаотичной активности (12). Теория синергетики распространила математическое описание подобной самоорганизации на многие биологические (популяционные) и общественные явления. Для Пригожина И. базовыми процессами послужили более сложные химические превращения (13). Опять-таки после некоторой пороговой концентрации веществ, при наличии катализа, особенно при автокаталитических реакциях, возникало неравновесное, хаотическое состояние смеси реагирую-

щих веществ (диссипативное явление), которое могло скачкообразно (момент бифуркации) перейти в строго упорядоченное поведение всей системы. Аналогичные процессы наблюдались и в ячейках Бенара, и в реакциях Жаботинского – Белоусова, и во многих преобразованиях, наблюдаемых и в физике, и в химии, и в биологии. Пригожин выделил несколько характерных факторов, имеющих место при всех подобных явлениях. Из них особо следует подчеркнуть непредсказуемое поведение системы после преодоления точки бифуркации, а именно тот факт, что возникающее состояние неопределенно и зависит от присущих любой системе флуктуаций, т. е. случайных изменений. Диапазон флуктуаций таков, что в равновесном состоянии они не оказывают влияния на основные параметры системы, но вблизи критической точки, вдали от равновесности, незначительные воздействия могут иметь решающий эффект в переходе к некоторой новой стабильности. Давний спор о доступности или недоступности знания о будущем получил тем самым аргументированное утверждение о его непредсказуемости (14, с.896). Работы в этом направлении, так или иначе затрагивающие столь сложную систему, как общество, вызывают все больший интерес и охватывают множество смежных явлений. К ним можно отнести также разработки теории катастроф, теории фракталов и др. Математические методы, стремясь охватить неоднозначные и изменчивые эволюционные процессы, продолжают усложняться, чтобы стать более адекватными действительности. Надо полагать, бум теорий развития будет продолжаться, а значит, есть надежда, что научная разгадка этих проблем вполне реальна.

СЛАБОСТИ РАСПРОСТРАНЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПОДХОДА

Итак, в последнее столетие большая часть ученых-обществоведов, отказавшись от попыток опереться на какие-то всеобщие принципы, ограничивалась обобщениями наличного фактического материала. Это был, так сказать, путь «сверху», который, конечно, не мог не испытывать слабость общих посылок. Ученые-естественники, напротив, имели под ногами довольно таки прочную почву, отчего уверенно двигали свою теорию ввысь. Этот путь «снизу» был вполне основателен, но и он встретил немало препятствий, коснувшись своеобразия высшей сферы.

Дело в том, что апробированный в естественных науках математический аппарат, хотя и достоверно описывал многие физические и химические явления, но даже в этой области не был способен всецело охватить процесс перехода к новому порядку. Акт скачка оставался неподвластным теории. После Канта и Гегеля с их убедительной критикой формальной логики есть основание полагать, что здесь мы имеем дело с ограниченностью, присущей формальным средствам познания. Что им принципиально недоступна область развития, особенно тот момент, при котором рождается новое качество.

Однако физиков и химиков вовсе не огорчала неподвластность этой точки. Их теоретическая мощь направлялась на предуготовку критического момента. К линейным динамическим уравнениям, которые хороши в области равновесности, добавились нелинейные уравнения второй, третьей степеней, позволяющие описать период неравновесности, при том для оценки стохастических процессов использовались уравнения с вероятностной функцией распределения. Не поддавалось учету лишь одно незначительное мгновение, к которому теория стремилась приблизиться как можно ближе. Казалось бы, не столь важно, что не удалось подчинить уравнениям сам момент перехода к новому качеству.

Во всяком случае, была уверенность, что накопленные знания и методы анализа столь значительны, что даже без некоторых невыясненных деталей можно их привлечь к описанию всех аналогичных явлений развития, в том числе и общественных. Такая позиция инициировала естественников обуздывать предмет изучения историков и социологов.

Среди гуманитариев также находилось немало ученых, готовых привлечь эти научные разработки, чтобы получить надежную основу для своих обобщений. Ими были, в частности, Валлерстайн и его коллеги, т.е. те, кто остро испытывал потребность в базовой теории развития человечества. Наиболее многообещающей была попытка Валлерстайна, который, объединив усилия ученых разных дисциплин, постарался разработать научную модель исторического развития. Некоторые моменты теории диссипативных систем Пригожина помогли обосновать утверждения о нестабильных состояниях мир-систем, о зависимости изменений системы от случайных воздействий и т. п. Но получить целостную картину истории пока не удалось. На мой взгляд, объединенные усилия группы ученых не дали желаемого результата, скорее всего из-за отсутствия единой идеи развития, которая бы придала единство и их частным усилиям. Что же касается основной массы историков и социологов, то они предпочитают оставаться в обычном поле нарративности и обобщений, как бы поверхностными они не представлялись.

На мой взгляд, у социологов и историков есть очень весомый аргумент против всех этих естественнонаучных изысканий. Суть критической оценки сводится к следующему.

Какой бы сложности математические средства не применялись, как бы не были искусны математические формулы и уравнения, описывающие процессы в сложных, сверхсложных системах, они никоим образом не смогут вывести духовные явления, без которых невозможно понять жизнь людей. Можно восхищаться внезапно возникающей самосогласованной активацией атомов и последующим монохромным их излучением; упорядоченной конвекцией жидкости, разом сменяющей беспорядочные ее перемещения; вдруг образовавшимися узорами химических превращений, и даже найти математические описания подобных процессов. Но можно ли обнаружить в этих картинах нечто, хотя бы в зачаточной форме представляющее душу человеческую. Конечно, польза от разработанного математического аппарата велика; достижения естественных наук все с большим успехом применяют во многих областях экономики, управления, анализа общественных явлений. Но успех, как правило, бывает в тех сферах, где имеются уже устоявшиеся процессы, либо динамика производства и воспроизводства осуществляется по известному сценарию. Таковы и те общественные явления, которые в основных принципах уже известны и потому подпадают под инженерную социологию. Но к ним нельзя относить динамику истории, процессы новообразования, новые акты развития, и тем более глобальные преобразования, происходящие с родом человеческим. Многие социологи после Кондорсе, Сен-Симона, Конта отводили знанию решающую роль в истории. Так как же в принципе математические уравнения могут вывести само познание?

В прежних теориях было проще. В философии истории Гегеля абсолютный дух, абсолютная идея изначально была внедрена в теорию и пропитывала всю ее конструкцию. Движение духа было движением истории. Маркс попросту не ставил целью увязать природные явления низших и высших сфер. Его теория всецело относится к обществу, так что специально ставить вопрос о возникновении познания ему не пришлось. К тому же знание лишь неявно лежало в основе построения его концепции как причина развития производительных сил, но познание и созидание, тем не менее, оставались в глубокой тени. Лишь в последующих социологических учениях духовная составляющая жизни человека и общества выступила на первый план. Она стала явной в период появления и превалирования психологизма, а затем сохранялась в абсолютизированных идеальностях: типы, ценности, образы действий и т. п.

Особенно сложным оказалось положение историков. Одни из них замкнулись в описаниях событий прошлых времен, даже не пытаясь при интерпретациях затрагивать какие-то глобальные закономерности. Не желая подвергнуться критике, они заняли в чем-то агрессивно-защитительную позицию. «Нет философии, мы – историки». Те же, кто не мог удовлетвориться поверхностным изложением фактов, искали выход в очень широких обобщениях. Наука отпугивала своим безжизненным материалом. Единственный выход из создавшейся

критической ситуации некоторые из них искали в привлечении идей, относимых по существу к теологии. Решение виделось им либо в создании какого-то новейшего гегельянства, либо в обращении к религии, либо к понятию надмирового, «божественного», или, помудрее, «космического» разума.

Упорствование в нарративности, как самой приемлемой форме представления истории, подкреплялось распространенной в последнем столетии критики, так называемого, «историзма». Утверждалось, что неправомерно признавать существование каких бы то ни было закономерностей исторического движения; история не является наукой, так как не соответствует принципам научности, т.е. принципам которые выдвигались позитивизмом, постпозитивизмом и «критическим реализмом» в разное время и по разным основаниям. Таковыми критериями научности первоначально служил принцип «верификации» – согласованность теории с фактами при ее проверке, затем принцип «фальсификации» – возможность отрицать фактами вытекающие из теории следствия. Поскольку предлагаемые законы истории не подвержены ни той, ни другой проверке, поэтому им надо отказать в претензии на научность. Вывод Поппера: исторические события уникальны, а все прошлые учения, как у Гегеля, Маркса, следует отбросить как вредные для человечества выдумки.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОБЩЕСТВО ПРИРОДНЫМ ЯВЛЕНИЕМ?

Решающим аргументом в пользу закономерности развития человечества является причастность его к единой природе. Как бы не спекулировали на своеобразии духовной жизни человека, на многих невыясненных загадках истории его становления, аргументы религиозного толка, как и неземного происхождения, имеют несравненно меньшее основание, чем утверждения о его всецелой принадлежности природному миру. Но если так, то всеобщие законы движения и развития, выявляемые в науке, должны быть применимы и к человеку.

Я также являюсь приверженцем научного подхода к истории, и буду не раз ссылаться, конечно, без привлечения сложной математики, на теории фазовых переходов, разрабатываемых в физики, теории диссипативных систем Пригожина и некоторых работах смежных направлений. При этом, однако, я постараюсь акцентировать внимание на тех проблемах и препятствиях, на которые наткнулась попытка распространить эти теории на гуманитарную сферу. Крайне сложным будет найти в неживой природе то явление, которое является предпосылкой ощущения, восприятия у живых организмов, и тем более мышление, познание у человека. Надо будет обратить внимание на моменты преобразований, оставшиеся вне познавательных средств естественных наук.

Также я не считаю плодотворным непосредственное приложение научных методов, разработанных для физики и химии, к общественным явлениям. Последние обладают спецификой, для которой неприменимы обычные средства. Большую пользу можно извлечь не прямым внедрением этих методов, а лишь использованием полученного фактического материала. Нужно выяснить условия и стадии всех известных актов перехода к новому качеству, по существу актов развития в неживой и живой природе. Независимо друг от друга физики, химики, биологи и представители иных наук выявили немало однотипных факторов, влияющих на переход, так же, как и однотипных стадий этих преобразований. Для всех, кто придерживается принципа универсальности природы, этот факт должен укрепить их позицию и обнадежить в эффективности распространения тех же сведений на познание истории человечества.

Литература¹

- 1..Wallerstein, I. *The Modern World-System*, volume 1, New York: Academic Press, 1974.
2. Frank, A. G. *World Accumulation 1492—1789*, New York: Monthly Review, 1978.

---

¹ переводы цитат – мои, Ю.Г.

3. Amin, S. *Accumulation on a World Scale*, New York: Monthly Review Press, 1972.
4. Amin, S., Arrighi, Frank A.G., Wallerstein I. *Dynamics of the World Economy*, 1982.
5. Giddens, A. *Sociology*, Cambridge: Polity, 1989.
6. Frank, A.G. and Gills B.K. (1992) *The Five Thousand Year World System: An Introduction*, Humboldt Journal of Social Relations, 18, 1, Spring, 1—79.
7. Frank, A. G. and Gills B.K. (1993) *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London, Routledge.
8. Christopher Chase-Dunn and Thomas D. Hall (1997) *Rise and Demise, The Comparative Study of World-Systems*, Boulder, CO. Westview.
9. Frank A. G. (2000) *Immanuel and Me With-Out Hyphen*, Journal of World-Systems Research, v. 2, summer/fall, 216—231, Special Issue: Festschrift for Immanuel Wallerstein, Part I
10. Wallerstein I. (1995) Journal of World-Systems Research, Volume 1, Number 19
11. Bergesen, A. (1995) «Let's Be Frank about World History' in Stephen Sanderson, Ed. *Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change*, Walnut Creek, CA: Altamira, 195—205.
12. Хакен Г. *Синергетика*, М., 1980.
13. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*, Москва: Прогресс, 1986.
14. Prigogine I. *The Networked Society*, Journal of World-System Research, VI, I, Spring, 2000.

2. Поппер К. и его «Нищета историцизма»

Прежде чем начать излагать свое понимание исторического развития я, конечно же, обязан предварительно разобраться в выдвигаемых опровержениях самой сути подобных представлений. Более всего критике подвергались разработанные много лет тому назад теории, где лейтмотивом служила, неважно идеалистическая или материалистическая, идея закономерности движения человечества. Проблема, конечно, не в том, что они встретили немало возражений. Подобное отношение непременно происходит с любыми теориями, как из области естественных, так и общественных наук.

Всем нам хорошо известно, что абсолютно истинных знаний не бывает; в любом учении сказывается субъективность, обусловленная ограниченностью знаний человечества, еще более той долей этого объема, которая воспринята автором; ограниченностью методов познания, которые никогда не могут быть совершенно адекватны бесконечно сложной действительности и т. п. Так что критика любых теорий, как и, положим, Платона, Гегеля, Маркса вполне обычное дело.

Но в ряде работ была выдвинута критика самого теоретического права существования таких теорий. Оппоненты утверждали, что принципиально невозможны никакие исторические теории, поскольку не существует закономерностей в истории. И хотя подобное утверждение касается независимого от ученых бытия человечества, а в подобных случаях индивидам, даже очень именитым ученым, следовало бы быть крайне самокритичными, тем не менее, некоторые из них пытались подняться выше природы и указать, что в ней не может быть того, что они полагают невозможным. Причем, наиболее громко заявлял об этом автор именно «критического рационализма», К. Поппер.

Несмотря на скромные предпосылки в виде «с нашей точки зрения», «на мой взгляд», отрицание закономерности истории было очень даже категоричным.

С наибольшей полнотой доводы против закономерности истории и кардинальном ее отличии от естественных наук изложены в книгах Поппера К. «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги» (1,2). Я не буду касаться иных авторов того же плана, а сосредоточусь только на его основных аргументах, полагая их вполне достаточными для прояснения позиции критики. Заранее могу подчеркнуть главный тезис моих доводов против этого нигилизма: я буду все аргументы оценивать, как и Поппер, в сравнении естественных и исторических теорий, совершенно уверенный, что в научном основании принципиальных различий нет, и не может быть.

ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ НАУЧНОСТИ

Поппер под «историцизмом» имеет в виду *«такой подход к социальным наукам, согласно которому принципиальной целью этих наук является историческое предсказание, а возможно оно благодаря открытию „ритмов“, „моделей“, „законов“ или „тенденций“, лежащих в основе развития истории»* (1, с.10).

Прежде всего отмечу, что для Поппера критерий научности не в том, имеются ли «ритмы», «законы» или «тенденции» и как они познаются наукой, а в нашей возможности предсказания. Поэтому основная аргументация против историцизма сводится к нашей неспособности предсказывать. «...Я показал, исходя из строго логических оснований, что ход истории предсказать невозможно» (1, с.7). Но предсказание нечто иное, чем постижение законов. Даже если мы выявили какую-то закономерность, это не означает, что мы способны предсказать конкретное явление, хотя бы из-за бесконечного множества факторов действительности, так или иначе влияющих на процессы. Ни один физик не сможет в точности рассчитать движение катящегося шарика, поскольку не способен определить все шероховатости поверхности,

не говоря о множестве иных, не учитываемых факторов, влияющих на траекторию шарика. Такую задачу ученый и не ставит. По Попперу это удел инженеров, способных благодаря науке учесть основные составляющие воздействий, но отнюдь не всевозможные несущественные частности.

Почему мы должны от исторической теории требовать предсказаний конкретных явлений? Но эта проблема имеет и иной, много более важный, аспект. Пригожин показал теоретически, что неравновесная система при усилении параметров, выводящих ее из равновесного состояния, достигает некоторой пороговой точки (точки бифуркации), после которой происходит скачкообразный переход к одной из двух возможных состояний. При том мы никак не можем указать заранее, в каком из них окажется будущая система.

Аналогичную беспомощность проявляют физики при попытке определить в точности момент скачка к новой упорядоченности при фазовых переходах. Предсказать его невозможно. Со схожей проблемой сталкиваются геологи, пытаясь определить момент землетрясения. Они могут вычислить напряженное состояние земной толщи в данном регионе, быть уверены, что перенапряжение разрядится с катастрофическим эффектом, но в точности указать время и величину максимальной магнитуды не способны. Станем ли мы из-за этого отрицать физику, химию, геологию как науки?

Хочу обратить внимание, что в приведенных случаях мы имеем дело с актами критических преобразований, которые в определенном аспекте неподвластны и естественникам. История также имеет дело с изменениями общественной жизни, следовательно, если даже она не способна их предсказать, то эту слабость вполне разделяет с иными науками и от этого не должна терять права на научность.

Наконец, третий вариант непредсказуемости хорошо известен ученым, в особенности астрономам, геологам, исследующим новообразования, т. е. не только повторяющиеся в наличной природе процессы, но и формирование таких явлений, которые прежде не существовали. Никто не возьмется в точности представить будущее Вселенной, Солнечной системы, биосферы, земной коры. Известны закономерности прошлых процессов, отсюда выводимы и общие тенденции преобразований, можно высказать и немало предположений о них, но достоверных заключений сделать не удастся. Вполне реально и подобное состояние истории, что, однако, не должно выставить ее как несуразную уникальность.

АРГУМЕНТЫ ПОППЕРА

1. История зависит от роста знаний, что непредсказуемо.

Самый серьезный аргумент Поппера против исторической теории опирается на роль знания в истории.

«(1) Ход человеческой истории в значительной степени зависит от роста человеческого знания. (Истинность этой предпосылки должны принять даже те, кто видит в человеческих идеях, в том числе научных, всего лишь побочный продукт материального развития, в каком бы смысле это последнее ни понималось.)

(2) Используя рациональные или научные методы, мы не можем предсказать, каким будет рост научного знания.

(3) Следовательно, мы не можем предсказывать ход человеческой истории.

(4) Это означает, что мы должны отвергнуть возможность теоретической истории, или исторической науки об обществе, которая была бы сопоставима с теоретической физикой. Невозможна никакая научная теория исторического развития, которая служила бы основой для исторического предсказания.

(5) Следовательно, основная цель историцистского метода (см. разделы 11—16 данной книги) поставлена неверно: историцизм терпит крах» (1, с.4—5).

Из утверждения (1) вполне логично было бы сделать прямо противоположный вывод, а именно, что ход истории имеет направленность. Поскольку рост человеческого знания, очевидно, имеет определенную тенденцию – наука развивается и все шире и глубже познается мир, тем самым все более взаимосвязанным становится наше знание мира, – а человеческая история зависима от него, то, следовательно, история также имеет соответствующую тенденцию. А раз существует некоторая тенденция развития, то, постигая ее, мы сможем получить теорию истории.

Вообще-то говоря, употребляемое Поппером понятие «тенденция» неопределенно. Чтобы его применение не было бессмысленным, необходимо указать на основание этой тенденции, то есть на более широкую базу, а по существу закон, из которого следует вектор изменений. «Тенденция» при известных закономерностях удачно подходит для характеристики конкретных изменений, поскольку невозможно знание всех параметров реальности, в которой протекает данный процесс. Мы знаем, положим, закон движения, что позволяет в общем виде предсказать «тенденцию» изменений, но при этом никак не можем иметь точное знание о конечном состоянии движущегося объекта. Еще удобнее употреблять это понятие для фазовых переходов и им подобным преобразованиям, когда, хотя и известна общая закономерность, но непредсказуема та флуктуационная случайность, которая окажет решающее воздействие на переход. Главное, что следует иметь в виду, это то, что тенденция не отрицает, а скорее предполагает, наличие закона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.